

В.И. Селиверстов, Ф.В. Грушин, Э.В. Лядов

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Рассматриваются вопросы применения института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Исследуются в ретроспективе изменения, внесенные законодателем в регламентацию данного института и их влияние на практику его реализации. Предлагается проработать идею установления балльной системы предоставления УДО, а также расширить применение института условно-досрочного освобождения к таким альтернативным лишению свободы наказаниям, как ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения по военной службе и обязательные работы.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика; уголовно-исполнительная политика; условно-досрочное освобождение; лишение свободы; уголовное наказание; наказания, альтернативные лишению свободы.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (УДО) – межотраслевой институт права, который регулируется нормами уголовного и уголовно-исполнительного права. Отдельные нормы, относящиеся к рассматриваемому институту, содержатся и в других отраслях права, например, норма, устанавливающая, что УДО относится к вопросам, подлежащим рассмотрению судом при исполнении приговора, содержится в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. 397).

На всем протяжении своего развития институт УДО в уголовном праве не раз усовершенствовался. Можно констатировать, что ни одна статья Общей части УК РФ не подвергалась таким частым корректировкам, как ст. 79 УК РФ: с момента принятия кодекса в нее были внесены изменения и дополнения тринадцатью федеральными законами. Происходило это потому, что институт УДО находится в своеобразной «розе ветров» уголовно-правовой политики. На него оказывают непосредственное влияние как общие тенденции гуманизации подхода к преступнику, так и тенденция дифференциации уголовной ответственности, выражающаяся в ужесточении наказания для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления в сферах, подлежащих, по мнению субъектов принятия политических решений, приоритетной охране. Проанализировав весь спектр изменений и дополнений ст. 79 УК РФ, по направленности выражения тенденций в уголовно-правовой политике, их можно разделить на три группы. Первая включает изменения и дополнения, в которых выражается тенденция гуманизации политики по отношению к лицам, совершившим преступления. Вторая содержит изменения и дополнения, направленные на ужесточение уголовно-правовой политики в отношении осужденных, отбывающих наказание. Третья группа объединяет те изменения и дополнения, которые носят технический, отчасти процедурный характер, не определяющий тенденции развития уголовно-правовой политики при реализации УДО. Рассмотрим их в указанной последовательности.

Первая группа. Через пять лет после принятия УК РФ были существенно сокращены сроки, по отбытии которых осужденный мог претендовать на УДО (ФЗ № 25, 2001 г.). Небольшое послабление в части

реализации УДО также было и в 2011 г. – если ранее лица совершали преступления небольшой и средней тяжести, то суд должен был автоматически отменять УДО. После принятия соответствующего закона у суда появилась возможность в данных случаях принять решение либо о сохранении, либо об отмене УДО (ФЗ № 26, 2011 г.). В 2020 г. ст. 79 УК РФ была дополнена частью 3.1, в которой было установлено право отдельных категорий осужденных женского пола претендовать на УДО по отбытии одной четверти срока наказания (ФЗ № 260, 2020 г.). Следует подчеркнуть, что удельный вес женщин, которым было назначено наказание в виде лишения свободы до трех лет включительно, от общего количества осужденных женщин к лишению свободы ежегодно остается достаточно высоким. Так, анализируя статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ следует отметить, что, например, за последние 6 лет данная категория лиц составляла в 2014 г. 58,6%, 2015 г. – 57,1%, 2016 г. – 55,6%, 2017 г. – 56,2%, 2018 г. – 58,5%, 2019 г. – 60,6%, в первом полугодии 2020 г. – 60,9% [1]. Полагаем, что данная норма будет применяться редко, так как в местах лишения свободы беременных женщин и женщин, имеющих ребенка в возрасте до трех лет, находящегося в доме ребенка исправительного учреждения, невелико.

В этой же группе следует указать на развитии института УДО в отношении несовершеннолетних. С момента принятия УК РФ ст. 93, предусматривающая особенности УДО для несовершеннолетних преступников, изменялась трижды и исключительно под влиянием тенденции гуманизации уголовной политики:

– в 2001 г. УДО по ст. 93 УК РФ стало возможным не только в отношении несовершеннолетних, но и в отношении взрослых, которые совершили преступление в несовершеннолетнем возрасте (ФЗ № 25, 2001 г.);

– в 2003 г. лица, совершившие тяжкие преступления в несовершеннолетнем возрасте, вместо половины срока должны были отбыть не менее одной трети срока наказания, чтобы претендовать на УДО (ФЗ № 162, 2003 г.);

– в 2020 г. ст. 93 УК РФ также была дополнена частью 2, в которой было установлено право отдельных категорий осужденных женского пола претендовать

на УДО по отбытии одной четверти срока наказания (ФЗ № 260, 2020 г.).

Вторая группа. В 2003 г. было усложнено освобождение для лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы. Было установлено, что УДО возможно только при отсутствии у осужденного злостных нарушений в течение предшествующих трех лет. Кроме того, была исключена возможность УДО для лиц, осужденных к исправительным работам, ограничению по военной службе и ограничению свободы (ФЗ № 162, 2003 г.).

В 2009 г. были увеличены сроки возможного УДО до трех четвертей срока наказания для лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также за организацию преступного сообщества или участие в нем (ФЗ № 245, 2009 г.). В дальнейшем круг преступлений по данной норме неоднократно расширялся: были добавлены преступления, связанные с террористической деятельностью (ФЗ № 352, 2010 г.; ФЗ № 302, 2013 г.; ФЗ № 375, 2016 г.), а также тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (ФЗ № 18, 2012 г.).

В 2012 г. была усложнена процедура УДО в отношении лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста (увеличен минимальный срок для предоставления УДО до четырех пятых и установлена обязательная судебно-психиатрическая экспертиза для осужденных за данные преступления). Кроме того, расширен круг критериев, при которых суд мог принять постановление об отмене УДО и исполнении оставшейся неотбытой части наказания (ФЗ № 14, 2012 г.).

В 2013 г. в результате политики, направленной на обеспечение прав жертв преступлений, в часть первую ст. 79 УК РФ впервые был внесен дополнительный обязательный критерий в виде возмещения вреда, причиненного преступлением, который необходимо учитывать суду при рассмотрении вопроса об УДО (ФЗ № 432, 2013 г.).

В 2014 г. на законодательном уровне были установлены различные критерии, которые необходимо учитывать суду при рассмотрении ходатайства осужденного об УДО (ФЗ № 104, 2014 г.). При этом было допущено дублирование норм, так как один и тот же критерий (возмещение вреда, причиненного преступлением) стал содержаться и в п. 1 и в п. 4.1 ст. 79 УК РФ, что вряд ли обоснованно с точки зрения юридической техники.

Третья группа не столь многочисленна, поэтому укажем в качестве примера лишь на перенос из норм уголовно-исполнительного законодательства в ст. 79 УК РФ запрета УДО лица, совершившего в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление (ФЗ № 162, 2003 г.).

В отличие от уголовно-правовой политики несколько в ином ключе развивается уголовно-исполнительная политика. Во-первых, изменений процедуры УДО (по сравнению с уголовным законо-

дательством) было не так много. Всего было принято восемь законов, которые внесли изменения в ст. 175 УИК РФ, три из них в большей степени носили технический уточняющий характер и не меняли процедуры УДО. Во-вторых, из восьми законов лишь три в той или иной мере содержали изменения и дополнения, которые усложняли процедуру УДО и тем самым свидетельствовали об ужесточении уголовно-исполнительной политики применительно к осужденным.

Так, в частности, в 2012 г. была усложнена процедура УДО в отношении лиц, совершивших преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Во-первых, в характеристике на осужденного стало необходимым указывать данные о примененных к нему принудительных мерах медицинского характера и его личном отношении к лечению. Во-вторых, одновременно с ходатайством в суд стало необходимым направление заключения лечащего врача осужденного (ФЗ № 14, 2012 г.). В 2013 г. увеличен срок (с 10 до 15 дней) подготовки администрацией учреждения характеристики на осужденного, ходатайствующего об УДО (ФЗ № 432, 2013 г.). Последнее изменение, усложнившее процедуру предоставления УДО, обязывало администрацию учреждения, исполняющего наказание, при наличии в личном деле осужденного копии определения (постановления) суда об уведомлении потерпевшего или его законного представителя, направлять в суд копии этих документов, а также сообщать сведения о месте жительства потерпевшего или его законного представителя и иную информацию, обеспечивающую их своевременное извещение. Кроме того, в день освобождения осужденного по УДО администрация должна направлять соответствующее уведомление потерпевшему или его законному представителю при наличии в личном деле осужденного такого решения суда (ФЗ № 62, 2015 г.).

Законов, смягчающих уголовно-исполнительную политику в рассматриваемой сфере, было принято два, и они существенно повлияли на процедуру УДО. В 2001 г. была отменена норма, предусматривающая возможность УДО только осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях исправительных учреждений (несовершеннолетним – в льготных условиях). В результате представление к УДО стало возможным для всех осужденных, независимо от вида условий, в которых они содержались на тот момент (ФЗ № 25, 2001 г.).

Ключевые преобразования в институте произошли в 2003 г., когда были изменены субъекты запуска процедуры УДО. Если ранее только учреждения или органы, исполняющие наказание, могли вносить в суд представление об условно-досрочном освобождении осужденного, то после таким правом самостоятельно обращения в суд с ходатайством об УДО были наделены исключительно осужденный, его адвокат или законный представитель (ФЗ № 161, 2003 г.). Необходимо отметить, что изменение принято Постановлением Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2002 г. № 16-П «По делу о проверке конституционно-

сти положений ст. 77(1), 77(2), ч. 1 и 10 ст. 175 УИК РФ и ст. 365 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова» [2]. В целом положительно оценивая эти изменения, необходимо отметить, что одновременно была изменена и норма ст. 113 УИК, в которой из мер поощрения было исключено представление осужденного администрацией исправительного учреждения к УДО (ФЗ № 161, 2003 г.). В результате в настоящее время учреждения и органы не наделены правом самостоятельно направлять в суд представления об условно-досрочном освобождении осужденных в порядке их поощрения. Полагаем, что в целях стимулирования правопослушного поведения данную норму следовало бы сохранить, даже каким-то образом отделить представление администрации к УДО от

ходатайства самих осужденных. Например, администрация исправительного учреждения в отношении положительно характеризующихся осужденных могла бы выходить в суд с представлением об УДО несколько раньше, чем это установлено в отношении ходатайства, подаваемого осужденным или его законным представителем. Вопрос о сроках такого представления оставляем открытым для дальнейших дискуссий по данному предложению.

Происходили определенные изменения и в сфере реализации уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политики, прежде всего в судебной практике УДО, которая четко следовала в «фарватере» колебаний политической линии государства в этом вопросе.

Рассмотрение судами ходатайств осужденных (законных представителей) об УДО (составлено по: [3])

Год	Окончено производством ходатайств об УДО (количество)	Удовлетворено ходатайств об УДО (количество)	Доля удовлетворенных ходатайств об УДО, %
2000	88 465	85 481	96,6
2001	138 320	131 484	95,1
2002	158 213	151 349	95,6
2003	166 645	154 693	92,8
2004	207 208	176 735	85,3
2005	173 144	133 420	77,1
2006	181 391	129 589	71,4
2007	194 176	132 880	68,4
2008	193 736	124 718	64,4
2009	205 473	121 616	59,2
2010	207 383	118 625	57,2
2011	190 822	107 543	56,4
2012	174 854	89 907	51,4
2013	142 128	65 237	45,9
2014	132 358	54 504	41,2
2015	117 197	46 331	39,5
2016	122 552	55 217	45,1
2017	112 581	53 802	47,8
2018	99 646	49 292	49,5
2019	92 545	45 387	49,0

Аналитические данные, приведенные в таблице, интересны динамикой применения УДО в сравнении с ходатайствами об освобождении, поданными осужденными. В 2000 г. процент удовлетворенных ходатайств осужденных к лишению свободы был максимальным за последние 20 лет – 96,6%. Затем этот процент начинает постепенно снижаться. Общее снижение за период с 2000 по 2019 г. составило 49,28%. Причиной этому являются, во-первых, постепенное снижение численности осужденных в местах лишения свободы, в результате снижается и потребность в УДО как средстве разгрузки исправительных учреждений. Во-вторых, низкая эффективность УДО, которая проявилась в виде большого процента рецидива среди этой категории освобожденных лиц.

Так, согласно результатам исследования, проведенного в 2006–2009 гг. учеными Юридического института Томского госуниверситета, в течение трех лет после освобождения освобожденные совершают новое преступление: в среднем 55% – из колонии общего режима и 29,6% – из колонии строгого режима (данные приведены на основе изучения рецидива при освобождении из колоний общего и строгого режимов Томской и Кемеровской областей) [4. С. 8–9; 5. С. 67, 87, 125–126]. Там же были зафиксированы заслуживающие внима-

ния различия в постпенитенциарном рецидиве: среди освобожденных из колонии общего режима условно-досрочно постпенитенциарный рецидив составил 68,5%, в связи с заменой лишения свободы более мягким видом наказания – 66,7%, а по отбытию срока наказания в виде лишения свободы – 46,8%. При освобождении из колонии строгого режима соответственно – 30,6, 47,1 и 20,5%. Эти цифры характеризуют тот период времени, когда удовлетворение ходатайств осужденных об УДО доходило до 75–80%.

Понимая, что УДО не оправдывает себя, суды стали постепенно снижать долю удовлетворенных ходатайств об УДО. В-третьих, сыграло свою роль и то, что, начиная с 2003 г., уже не администрация представляла осужденных к УДО, а сами осужденные или их законные представители выходили в суд с ходатайством. Своего пика снижение достигает в 2014 и 2015 гг. после внесения изменений и дополнений в УК РФ (ФЗ № 104, 2014 г.), предусмотревших в числе других новелл дополнительное условие, которое необходимо учитывать суду при рассмотрении ходатайства осужденного об УДО, а именно – возмещение полностью или частично причиненного ущерба или иное заглаживание вреда, причиненного в результате преступления.

Характеризуя динамику УДО в 2016–2019 гг., обращает на себя внимание то, что некоторое увеличение доли удовлетворенных ходатайств сопровождается уменьшением начиная с 2016 г. количества рассмотренных судами ходатайств осужденных об УДО. Например, в 2019 г. по сравнению с 2016 г. оно уменьшилось почти на одну пятую. В числе других факторов на востребованность среди осужденных возможности УДО влияет то, что по-прежнему более половины ходатайств осужденных об УДО по тем или иным причинам отклоняется [6. С. 63–66].

Анализируя судебную практику в сфере УДО, попытаемся дать прогностическую оценку изменения данной практики, которая может происходить в результате процессов, происходящих в уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политике.

Так, будущие изменения в основаниях УДО и сроках его наступления, способные повлиять на судебную практику, возможны в отношении осужденных, совершивших некоторые наиболее опасные для государства и общества преступления. Однако эти новеллы, если они будут приняты, вряд ли повлияют на судебную практику применения УДО, поскольку останутся неизменными общие положения для данного вида досрочного освобождения. Не имеется достаточных оснований и для реализации предложений о полном запрете УДО для отдельных категорий осужденных (например, для неоднократно судимых осужденных [7. С. 47], осужденных за отдельные виды тяжких преступлений [8. С. 25], коррупционные преступления [9]), хотя в уголовное законодательство стран СНГ постепенно вводят такие ограничения. Например, Законом Республики Казахстан от 19.12.2020 г. № 384-VI предусмотрен запрет УДО для большей части лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие коррупционные преступления [10].

Как нам представляется, фактором, который повлияет на судебную практику УДО, может выступить динамика численности осужденных в местах лишения свободы.

Не является большим открытием, что УДО наряду с амнистиями использовалось как правовое средство разгрузки исправительных учреждений. Об этом явственно свидетельствуют данные вышеприведенной таблицы. В начале 2000-х гг. численность осужденных, отбывающих лишение свободы, была свыше миллиона человек, и предоставления к УДО удовлетворялись почти стопроцентно. В результате комплекса мер, а именно изменения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, применения широкомасштабных разгрузочных амнистий, расширения практики УДО произошло существенное сокращение «тюремного населения» в местах лишения свободы. Так, по сравнению с 2000 г. численность осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, сократилась почти в 2,4 раза и на 1 января 2021 г. составила 378 668 чел. (согласно официальным данным сайта ФСИН России). Это минимальная численность осужденных, отбывающих лишение свободы, за весь постсоветский период функционирования Российского государства. В настоящее время, а если эта тенденция будет продол-

жена, то и в будущем, разгрузочная роль УДО будет сведена к минимуму.

Из-за этого возникнет определенное торможение процесса УДО осужденных со стороны персонала исправительных учреждений. В данном случае будут сказываться чисто прагматические соображения, так как сокращение численности осужденных приводит к реорганизации уголовно-исполнительной системы в целом: закрытию исправительных учреждений, увольнению аттестованного и вольнонаемного персонала. Между тем исправительные учреждения нередко являются градообразующими в населенных пунктах, и их закрытие связано с определенными потерями не только для персонала, но и населения в целом. Мы все помним, какими социальными протестами, вплоть до перекрытия дорог, сопровождалась в 2015–2016 гг. реализация программы закрытия ста исправительных колоний.

Для такого «торможения» есть все правовые предпосылки. Уголовное законодательство предусматривает формальные и материальные основания для УДО. В качестве первого – отбытие осужденным необходимой части срока наказания, но не менее шести месяцев. В качестве второго выступает оценочное суждение в виде вывода суда о том, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании наказания.

Оценочное суждение суда основывается на оценке поведения осужденного. Так, в ч. 4.1 ст. 79 УК РФ установлено, что при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, отношение осужденного к совершенному деянию и то, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также заключение администрации исправительного учреждения о целесообразности его условно-досрочного освобождения.

При этом важнейшим показателем в оценке поведения осужденных являются допущенные нарушения режима отбывания наказания. Между тем УИК РФ и Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений содержат достаточное число обязанностей и запретов для осужденных, за неисполнение которых при желании можно довольно часто объявлять осужденному взыскания. Этому способствует и будет в будущем в еще большей степени способствовать внедрение технических средств контроля за поведением осужденных, например, видеонаблюдения, электронных средств слежения (браслетов) и т.п. Современная судебная практика имеет примеры объявления довольно жестких мер взыскания (в виде водворения в штрафной изолятор либо изменения вида исправительного учреждения за курение в неотведенном для этого месте, незастегнутую пуговицу, смещение формы одежды, неряшливый внешний вид, дремоту в дневное время, сидя на табурете и т.п.), которые при массовом применении электронных средств наблюдения могут привести к тому, что большинство

осужденных к моменту возникновения права на УДО будут иметь десятки взысканий. Это фактически может закрыть осужденным возможность УДО.

Такая опасность реальна еще и потому, что нередко судьи при рассмотрении вопросов формально подходят к рассмотрению ходатайств осужденных об УДО, принимая решение исключительно исходя из мнения администрации исправительного учреждения. Все это приводит к обоснованной критике процедуры УДО правозащитниками и учеными [11; 12. С. 91; 13. С. 45–53; 14. С. 96–107].

Что же стоит предпринять в такой ситуации?

Представляется целесообразным постепенное снижение «веса» поведения осужденного в местах лишения свободы в числе критериев вывода суда о том, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании наказания. Конечно, УДО является важным средством стимулирования правопослушного поведения осужденных во время отбывания наказания, однако не стоит это средство переоценивать. Иначе УДО будет направлено исключительно на обеспечение правопорядка в исправительных учреждениях и индифферентно по отношению к цели исправления осужденных. Поэтому, как нам представляется, наряду с взысканиями и поощрениями как показателями поведения во время отбывания наказания должна учитываться степень сохранения и (или) восстановления социально полезных связей осужденного, а именно:

а) наличие у лица, претендующего на УДО, постоянного места проживания после освобождения (на арендованной или собственной жилой площади, в реабилитационном центре субъекта РФ, в религиозном культовом учреждении, например в монастыре и т.д.);

б) возможность гарантированного трудоустройства, подтвержденного документами коммерческих и некоммерческих организаций и (или) органов местного самоуправления. В этом отношении мы солидарны с Д.А. Щербой, который предлагает наряду с поведением лица, представленного к условно-досрочному освобождению, также учитывать условия его жизни после освобождения [15. С. 14];

в) поддержание или восстановление духовной связи с семьей, детьми и близкими родственниками (заключение брака, переписка, телефонные разговоры, свидания и видеосвидания);

г) материальная поддержка осужденного семьей или близкими родственниками либо, наоборот, материальная поддержка осужденным семьей или близких родственников (получение и отправление денежных переводов, бандеролей, посылок и передач);

д) получение профессии (повышение квалификации), общего образования;

е) повышение своего культурного уровня, кругозора, раскрытие творческих способностей, которые могут стать после освобождения опорой правопослушного поведения;

ж) стремление к избавлению от вредных привычек и излечению от социально-опасных заболеваний (алкоголизма, наркомании, токсикомании, венерических заболеваний, педофилии, туберкулеза и психических расстройств);

з) надлежащий уход за ребенком осужденной женщиной в доме ребенка при исправительном учреждении и т.п.

Это именно те «поплавки», которые могут помочь осужденным, отбывающим лишение свободы, после досрочного освобождения закрепиться в обществе и не совершить нового преступления [16. С. 97–101].

В п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 имеется указание учитывать при УДО связи с родственниками в период отбывания наказания, однако оно касается только несовершеннолетних осужденных. Кроме того, этот критерий не раскрыт, и одного его явно недостаточно. Кроме того, оценка степени сохранения и (или) восстановления социально полезных связей осужденного должна проводиться и при решении вопроса об УДО взрослых осужденных, а не только несовершеннолетних. В последующем сохранение и (или) восстановление социально полезных связей осужденного должны быть внесены в законодательство в качестве одного из основных критериев доказанности вывода суда о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в дальнейшем отбытии назначенного наказания.

Не стоит отвергать и идею установления балльной системы предоставления УДО в случае достижения осужденным максимального количества установленных критериев.

В мире, по сути, имеется два направления развития УДО: первое, в котором у осужденного есть законный интерес на УДО, но окончательное решение зависит от усмотрения судьи; второе, в котором УДО рассматривается как право осужденного (при выполнении им установленных в законе критериев). Первое направление существует в России в настоящее время и основано на устоявшейся в отечественной правовой системе уголовной политике и судебной практике. Второе направление в последнее время все больше находит свое отражение на международном и отечественном уровнях. Например, в Рекомендациях Rec (2003) 22 Комитета министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении» в п. 22 говорится, что «критерии для условно-досрочного освобождения должны применяться таким образом, чтобы могли быть освобождены условно-досрочно все заключенные...». Крайним проявлением такой политики стала бы ситуация, при которой судьи были бы устранены из процедуры УДО. Так, бывший министр юстиции А. Коновалов высказывался в подобном ключе: «Не исключено, что в перспективе условно-досрочно будет автоматически освобождаться каждый осужденный, отвечающий определенным критериям» [17].

Складывающаяся уголовная политика не позволяет утверждать, что в ближайшее время судьи будут устранены из сферы УДО, вместе с тем полагаем, что возможно рассмотрение такого предложения, как установление балльной системы УДО, при которой осужденные в определенных случаях получали бы именно право на освобождение. Схожие предложения уже встречались в юридической науке [18. С. 12], однако до настоящего времени они не нашли своего воплощения в действующем законодательстве.

Например, возможно установить в законе критерии для УДО, в сумме дающие 100 баллов. При достижении максимального количества баллов осужденный сможет освобождаться автоматически. Если осужденный набрал, например, от 80 до 100 баллов, то решение об освобождении принимает суд. Естественно, что критерии должны быть очевидными и ясными. При этом должны быть критерии, которые «дают» баллы (отсутствие взысканий, укрепление позитивных социальных связей и пр.) и которые «забирают» баллы (получение взыскания и пр.). Также должны быть более значимые критерии, дающие большее количество баллов (возмещение вреда, причиненного преступлением и пр.), или менее значимые (выполнение норм выработки осужденным на производстве и пр.). Аналогично и с уменьшающими баллы критериями – совершение нового преступления в период УДО или наличие выговора за совершение правонарушения в период отбывания наказания должны учитываться по-разному.

В дальнейшем балльную систему возможно развить в отношении изменения условий отбывания наказания, вида исправительного учреждения, а также замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Естественно, что количество критериев, их «стоимость», а также сама балльная система – предмет дальнейших дискуссий и отдельного самостоятельного научно-практического исследования.

Нуждается в переосмыслении решение законодателя об исключении УДО для лиц, отбывающих наказания, представляющие собой альтернативу лишению свободы.

Как уже отмечалось выше, до внесения изменений в ст. 79 УК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ часть 1 данной статьи предусматривала возможность применения института УДО и к лицам, отбывающим наказание в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы. Исключение возможности УДО для указанных лиц, на наш взгляд, необходимо считать негативным моментом, отрицательно сказывающимся на достижении как целей уголовного наказания, так и целей уголовно-исполнительного законодательства.

Анализируя практику применения рассматриваемого института, следует отметить, что в преобладающей своей массе условно-досрочное освобождение направлено на осужденных к лишению свободы. Что же касается применения условно-досрочного освобождения к осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ, то численность лиц, снятых с учета ИЦ (УФИЦ) в отчетном периоде по данному основанию, составила: в 2017 г. – в абсолютных показателях 14 осужденных (2 из которых женщины), в 2018 г. – 193 осужденных (18 из которых женщины), в 2019 г. – 924 осужденных (87 из которых женщины) [19].

Следует подчеркнуть, что назначение уголовного наказания преследует не фискальную цель, конечной целью является исправление лица, совершившего преступление, возвращение в общество законопослушного гражданина. На наш взгляд, законодателю следовало бы пересмотреть вопрос о

возможности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде исправительных работ, в частности, в отношении лиц, имеющих основное место работы. Указанное изменение будет способствовать повышению эффективности применения уголовного наказания в виде исправительных работ. Необходимость возврата в законодательство нормы, регламентирующей условно-досрочное освобождение от отбывания уголовного наказания в виде исправительных работ, отмечают и такие ученые, как В.Н. Орлов [20. С. 36] и Н.В. Ольховик [21. С. 57].

Думается, что в целях стимулирования правомерного поведения осужденных в отношении таких альтернативных лишению свободы наказаний, как ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничения по военной службе и обязательные работы, также необходимо ввести институт УДО. Здесь мы вполне можем позаимствовать опыт стран СНГ, имеющих более расширенный перечень видов наказаний, при реализации которых возможно применение УДО. Например, согласно ст. 76 УК Республики Армения «лицо, отбывающее наказание в виде общественных работ, исправительных работ... содержания в дисциплинарном батальоне, может быть с его согласия освобождено условно-досрочно» [22]. В соответствии со ст. 76 УК Республики Азербайджан условно-досрочное освобождение возможно в отношении лиц, отбывающих наказания в виде исправительных работ, ограничения свободы, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части [23]. Ст. 90 УК Республики Беларусь закрепляет возможность применения института УДО к лицам, отбывающим такие альтернативные наказания, как наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, ограничения по военной службе и ограничения свободы [24].

О необходимости применения УДО, в частности, к осужденным к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как основному наказанию говорил также Ю.М. Ткачевский. Он подчеркивал, что «это наказание является срочным, и цели, которые ставятся перед ним, могут быть решены в ряде случаев в более короткие сроки по сравнению с теми, которые определены судом» [25. С. 89].

Кроме того, о необходимости стимулирования правомерного поведения осужденных упоминается и в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, от 14 декабря 1990 г. (Токийские правила). Так, в п. 11.2 Токийских правил отмечается, что если применяемая мера оказала благоприятное воздействие на правонарушителя, то может предусматриваться досрочное прекращение действия применяемой меры [26]. В п. 27 Европейских правил в отношении несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, также указано, что «в

зависимости от результатов, достигнутых несовершеннолетними, компетентный орган... может сократить срок любого наказания или меры, смягчить условия или обязанности, связанные с ними, или отменить их» [27].

Таким образом, рассматриваемый институт УДО имеет крайне важное значение для достижения целей уголовного наказания, содержит большое количество дискуссионных норм и нуждается в дальнейшем анализе и развитии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Форма 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 2014–2019 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.02.2021).
2. По делу о проверке конституционности положений статей 77(1), 77(2), части первой и десятой статьи 175 УИК РФ и статьи 365 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 26 ноября 2002 г. № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 49. Ст. 4922.
3. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.02.2021).
4. Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 22 с.
5. Городнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив / под науч. ред. В.А. Уткина. М. : Юрлитинформ, 2012. 165 с.
6. Князьков А.С. Условно-досрочное освобождение: проблемы и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2 (16). С. 63–69.
7. Лебедевич Д. Данные о личности осужденного как основной вопрос при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении // Законность. 2009. № 5. С. 46–48.
8. Давыдова И.А., Коробова И.Н. К вопросу об эффективности института условно-досрочного освобождения // Ведомости УИС. 2017. № 12 (187). С. 20–25.
9. Почему своровавших сотни миллионов выпускают по УДО? // Аргументы и факты. 2021. 4 янв.
10. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты прав граждан в уголовном процессе и противодействия коррупции: закон Республики Казахстан от 19 декабря 2020 г. № 384-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32025901&mode=p#pos=7;-56 (дата обращения: 20.02.2021).
11. Рекомендации по итогам Абрамкинских чтений-2020. URL: <http://www.prison.org/content/rekomendacii-po-itogam-abramkinskih-chteniy-2020> (дата обращения: 24.02.2021).
12. Ефремова И.А. Материальное основание условно-досрочного освобождения от наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 82–91.
13. Князьков А.С., Уткин В.А. Условно-досрочное освобождение при пожизненном лишении свободы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 45–53.
14. Савельев Д.В. Основания и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания: учеб. пособие. М. : Юрайт, 2020. 191 с.
15. Щерба Д.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 29 с.
16. Селиверстов В.И. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные проблемы условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2015. № 3. С. 97–101.
17. Корня А., Резник И. Условно-досрочное освобождение должно быть автоматическим, считает Минюст. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2010/12/17/dosrochno_bez_suda (дата обращения: 24.02.2021).
18. Синичкин А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 22 с.
19. Форма статистической отчетности ФСИН России ФСИН-1 подраздел 15.1. «Сведения о деятельности исправительных центров и участков, функционирующих как исправительные центры» за 2017–2019 гг. (документ опубликован не был).
20. Орлов В.Н. Исполнение и отбывание уголовных наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и исправительное воздействие на осужденных : лекция. М. : МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2011. 104 с.
21. Ольховик Н.В. Средства обеспечения непенитенциарного режима // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 1. С. 55–58.
22. Уголовный кодекс Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus#4a> (дата обращения: 20.02.2021).
23. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 20.02.2021).
24. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 20.02.2021).
25. Ткачевский Ю.М. Освобождение от отбывания наказания. М. : Юридическая литература, 1970. 240 с.
26. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 20.02.2021).
27. Рекомендация CM/Rec (2008) 11 Комитета министров государствам – членам Совета Европы о Европейских правилах в отношении несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера. Принята Комитетом министров 5 ноября 2008 г. на 1040-м заседании заместителей министров // Документы Совета Европы, касающиеся исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, обращения с правонарушителями и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : Сборник документов Совета Европы / сост. и пер.: В.Б. Первозванский, Н.Б. Хуторская. М. : PRI, 2011. С. 77.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 мая 2021 г.

The Criminal Law and Penal Policy in Relation to Parole

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 76–84.

DOI: 10.17223/15617793/469/10

Vyacheslav I. Seliverstov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vis_home@list.ru

Fedor V. Grushin, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: fedor062@yandex.ru

Eduard V. Lyadov, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: leve2000@yandex.ru

Keywords: criminal law policy; penal policy; parole; imprisonment; criminal punishment; sentences alternative to imprisonment.

The aim of this article was to develop proposals in relation to the conditional early release from serving a sentence (parole) based on the analysis of the development of the criminal law and penal enforcement policy of the Russian Federation. Throughout its

development, the institution of parole in criminal law has been improved more than once. This happened because the institution of parole is in a kind of a “wind rose” of the criminal law policy. The analysis of the changes and additions to Art. 79 of the Criminal Code of the Russian Federation showed that they can be divided into three groups according to the direction of the expression of trends in the criminal law policy. The first includes changes and additions that express the tendency to humanize the policy towards the perpetrators of crimes. The second one contains amendments and additions aimed at tightening the criminal law policy in relation to convicted persons serving sentences. The third group is changes and additions that are technical, partly procedural, in nature, which do not determine the trends in the development of the criminal law policy in the implementation of parole. In contrast to the criminal law policy, the penal enforcement policy is developing in a slightly different way. Firstly, there were not so many changes in the parole procedure compared to the criminal legislation. In total, eight laws were adopted that amended Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation, while three of them were more technical and did not change the procedure for parole. Secondly, out of eight of these laws, only three, in one way or another, contained changes and additions that complicated the parole procedure and thus indicated a tightening of the penal enforcement policy in relation to convicted persons in this area. It seems advisable to gradually reduce the significance of the behavior of a convicted person in places of deprivation of liberty among the criteria for the court's conclusion that a person does not need to serve a full sentence for correction. Along with punishments and rewards as indicators of behavior during serving a sentence, the degree of preservation and (or) restoration of socially useful connections of the convicted person should be taken into account. It is not necessary to reject the idea of establishing a score system for granting parole if the convicted person reaches the maximum number of the established criteria. Naturally, the number of the criteria, their “cost”, as well as the “score system” itself are topics for further discussions and a separate independent theoretical and practical study. In order to encourage the lawful behavior of convicts in relation to such alternative punishments as restriction of liberty, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, restrictions on military service and mandatory work, it is also necessary to introduce the institution of parole.

REFERENCES

1. Cdep.ru. (n.d.) *Forma 10.1 “Otchet o chisle privilechennykh k ugolovnoy otvetstvennosti i vidakh ugolovnogo nakazaniya” za 2014–2019 gg.* [Form 10.1 “Report on the number of persons prosecuted and types of criminal punishment” for 2014–2019]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 20.02.2021).
2. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* (2002) Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniy statey 77(1), 77(2), chasti pervoy i desyatoy stat'i 175 UIK RF i stat'i 365 UPK RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanina A.A. Kizimova: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Ros. Federatsii ot 26 noyabrya 2002 g. № 16-P [On verifying the constitutionality of the provisions of Articles 77 (1), 77 (2), Parts One and Ten of Article 175 of the Penal Code of the Russian Federation and Article 365 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen A.A. Kizimov: the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 26, 2002, No. 16-P]. 49. Art. 4922.
3. Cdep.ru. (n.d.) *Dannye sudebnoy statistiki Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF* [Data of judicial statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (Accessed: 20.02.2021).
4. Gorodnyanskaya, V.V. (2011) *Postpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary relapse]. Abstract of Law Cand. Diss. Tomsk.
5. Gorodnyanskaya, V.V. (2012) *Pestpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary relapse]. Moscow: Yurilitinform.
6. Knyaz'kov, A.S. (2015) Release on Parole: Problems and Tendencies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 2 (16), pp. 63–69. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/16/8
7. Lebedevich, D. (2009) *Dannye o lichnosti osuzhdennogo kak osnovnoy vopros pri rassmotrenii khodataystv ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii* [Data on the personality of the convict as the main issue when considering applications for parole]. *Zakonnost'*. 5. pp. 46–48.
8. Davydova, I.A. & Korobova, I.N. (2017) K voprosu ob effektivnosti instituta uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya [On the effectiveness of the institution of parole]. *Vedomosti UIS.* 12 (187), pp. 20–25.
9. *Argumenty i fakty.* (2021) Pochemu svorovavshikh sotni millionov vypuskayut po UDO? [Why are people who stole hundreds of millions released on parole?]. 4 January.
10. Online.zakon.kz. (2020) *O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam usileniya zashchity prav grazhdan v ugolovnom protsesse i protivodeystviya korruptsii: zakon Respubliki Kazakhstan ot 19 dekabrya 2020 g. № 384-VI* [On amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on strengthening the protection of citizens' rights in criminal proceedings and combating corruption: Law of the Republic of Kazakhstan dated December 19, 2020, No. 384-VI]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32025901&mode=p&pos=7;-56 (Accessed: 20.02.2021).
11. Prison.org. (2020) *Rekomendatsii po itogam Abramkinskikh chteniy–2020* [Recommendations based on the results of the Abramkin Readings–2020]. [Online] Available from: <http://www.prison.org/content/rekomendacii-po-itogam-abramkinskih-chteniy-2020> (Accessed: 24.02.2021).
12. Efremova, I.A. (2018) The Material Basis for the Early Conditional Release from Punishment. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology.* 12 (1), pp. 82–91. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(1).82-91
13. Knyaz'kov, A.S. & Utkin, V.A. (2015) Release on Parole in Case of Life Imprisonment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 4 (18), pp. 45–53. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/18/6
14. Savel'ev, D.V. (2020) *Osnovaniya i usloviya osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti i nakazaniya: ucheb. posobie* [Grounds and conditions for release from criminal liability and punishment: textbook]. Moscow: Yurayt.
15. Shcherba, D.A. (2007) *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otyvaniya nakazaniya: voprosy teorii i praktiki* [Parole: theory and practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Vladivostok.
16. Seliverstov, V.I. (2015) *Ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye problemy uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya* [Criminal law and penal problems of parole]. *Ugolovnoe pravo.* 3. pp. 97–101.
17. Kornya, A. & Reznik, I. (2010) *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie dolzhno byt' avtomaticheskim, schitaet Minyust* [Parole should be automatic, the Ministry of Justice believes]. [Online] Available from: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2010/12/17/dosrochno_bez_suda (Accessed: 24.02.2021).
18. Sinichkin, A.A. (2003) *Otsenka stepeni ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Assessment of the degree of correction of those sentenced to imprisonment]. Abstract of Law Cand. Diss. Kazan.
19. Federal Penitentiary Service of Russia. (c. 2017) *Forma statisticheskoy otchetnosti FSIN Rossii FSIN-1 podrazdel 15.1. “Svedeniya o deyatel'nosti ispravitel'nykh tsentrov i uchastkov, funktsioniruyushchikh kak ispravitel'nye tsentry” za 2017–2019 gg.* [The form of statistical reporting of the Federal Penitentiary Service of Russia FSIN-1 Subsection 15.1. “Information on the activities of correctional centers and sections functioning as correctional centers” for 2017–2019]. (Unpublished)
20. Orlov, V.N. (2011) *Ispolnenie i otyvanie ugolovnykh nakazaniy v vide obyazatel'nykh rabot, ispravitel'nykh rabot, ogranicheniya svobody i ispravitel'noe vozdeystvie na osuzhdennykh: lektsiya* [Execution and serving of criminal sentences in the form of compulsory labor, corrective labor, restriction of freedom and corrective influence on convicts: lecture]. Moscow: MCLA.

21. Ol'khovik, N.V. (2011) Sredstva obespecheniya nepenitentsiarnogo rezhima [Means of ensuring the non-penitentiary regime]. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii*. 1. pp. 55–58.
22. Parliament.am. (2003) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Armeniya* [Criminal Code of the Republic of Armenia]. [Online] Available from: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&sel=show&lang=rus#4a> (Accessed: 20.02.2021).
23. Online.zakon.kz. (2021) *Ugolovnyy kodeks Azerbaydzhanskoy Respubliki* [Criminal Code of the Republic of Azerbaijan]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353 (Accessed: 20.02.2021).
24. Pravo.by. (1999) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus'* [Criminal Code of the Republic of Belarus]. [Online] Available from: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (Accessed: 20.02.2021).
25. Tkachevskiy, Yu.M. (1970) *Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya* [Release from serving punishment]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
26. UN. (1990) *Minimal'nye standartnye pravila Organizatsii Ob "edinennykh Natsiy v otnoshenii mer, ne svyazannykh s tyuremnym zaklyucheniem (Tokiyskie pravila)* [United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures. (The Tokyo Rules)]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (Accessed: 20.02.2021).
27. Pervozvansky, V.B. & Khutorskaya, N.B. (eds) (2011) Rekomendatsiya CM/Rec (2008) 11 Komiteta ministrov gosudarstvam – chlenam Soveta Evropy o Evropeyskikh pravilakh v otnoshenii nesovershennoletnikh pravonarushiteley, osuzhdennykh k nakazaniyam i meram ugovolno-pravovogo kharaktera. Prinyata Komitetom ministrov 5 noyabrya 2008 g. na 1040-m zasedanii zamestiteley ministrov [Recommendation CM / Rec (2008) 11 of the Committee of Ministers to member states of the Council of Europe on European rules for juvenile offenders sentenced to penalties and criminal measures. Adopted by the Committee of Ministers on November 5, 2008 at the 1040th meeting of the deputy ministers]. In: *Dokumenty Soveta Evropy, kasayushchiesya ispolneniya nakazaniy i inyykh mer ugovolno-pravovogo kharaktera, obrashcheniya s pravonarushitelyami i sodержaniya pod strazhey podozrevaemykh i obvinyaemykh v sovershenii prestupleniy: Sbornik dokumentov Soveta Evropy* [Council of Europe documents on the execution of sentences and other criminal law measures, the treatment of offenders and the detention of suspects and accused of committing crimes: Collection of documents of the Council of Europe]. Moscow: PRI.

Received: 17 May 2021